

(1940–2015)

Лев Елисеевич Ляпин. НЕЗАБЫВАЕМЫЙ*

9 июля 2015 года ушел из жизни Лев Елисеевич Ляпин, выдающийся переводчик и педагог. Мы попросили тех, кто знал его, поделиться своими воспоминаниями об этом замечательном человеке.

Фото 1959 г.

Евгений Николаевич Филиппов,

профессор МГЛУ, устный и письменный переводчик с 1958 г.

Мое знакомство с Лево́й Ляпиным произошло «как бы» заочно и «как бы» односторонне. В 1958 году, через несколько лет после снятия «железного занавеса», я оказался в Нижнем Новгороде (тогда еще городе Горьком) на сцене клуба Горьковского автозавода (ГАЗ) в качестве переводчика, приставленного к английской делегации. Иностранцы тогда еще были в диковинку, и зал на полторы тысячи человек был забит до отказа.

Через много лет, когда мы с Лево́й стали коллегами, он рассказал мне, что он был в тот самый вечер в том самом зале, слушал мой перевод, сочувствовал моим страданиям (организаторы не додумались поставить микрофон, и мне приходилось кричать из последних сил, чтобы хоть что-то донести до аудитории), и что он там же и тогда же принял решение стать переводчиком (он тогда заканчивал школу и, надо полагать, подумывал о том, «сделать бы жизнь с кого»). Не уверен, что на него такое впечатление произвел выкрикиваемый мною перевод. Зная Леву, я думаю, что, скорее, что-то ему именно в тот момент подсказало, что быть на сцене, у всех на виду, обращаться к людям — ЭТО ЕГО, что он для этого создан.

Вся дальнейшая его жизнь тому подтверждение. Он не стал актером (хотя я уверен — был таковым рожден), но зато стал переводчиком, а разве переводчик не актер, исполняющий роль

Л.Е. Ляпин с матерью, Александрой Ивановной Ляпиной. Фото 1973 г.

* См. тж. Восемь вопросов профессионалу. Отвечает Л.Е. Ляпин. // Мосты. Журнал переводчиков. № 1 (13), 2007.

Портреты

того, кого он переводит? Он был блестящим переводчиком («Ляпин в ООН славился», — говорил Павел Палажченко). И конечно, еще больший простор его актерским и лингвистическим талантам давало преподавание. Он был ярким, неординарным и обожаемым преподавателем.

У него был талант радоваться жизни, он праздновал каждый прожитый день. Любил вино, женщин, стихи, анекдоты (знал их несметное количество и мастерски рассказывал). Не очень любил углубленные меланхолические разговоры о смысле жизни, у него просто на это не было времени. Но вот однажды в очень неформальной обстановке я его спросил (ради смеха, конечно), в чем все-таки смысл жизни? Ответ был молниеносным и в чем-то шокирующим: «Покрасоваться». Он сказал это так, что ясно было, что для него это вопрос давно решенный.

Так вот, если по этому критерию оценивать его жизнь, то, несмотря на все «кособоры и овраги», встречавшиеся на его пути, жизнь его удалась. Уверен, со мной согласятся многие, чье общение с Львом Елисеевичем принесло им много пользы и — главное — много радости.

Фото 1990 г.

Сергей Гелиевич Чернов,

заместитель начальника службы устного перевода МВФ

Лев Елисеевич Ляпин преподавал мне синхронный перевод на курсах переводчиков ООН в Москве в 1989–90 гг.

Наверное, больше всего со Львом Елисеевичем у меня ассоциируется фраза «Гости съезжались к балу» — несколько искажённая цитата из Пушкина. Так он учил нас лаконичности, экономии языковых средств при переводе, да и просто русскому языку. Это был Учитель с заглавной буквы, который вложил профессию переводчика-синхрониста в руки многих поколений выпускников курсов ООН.

Когда я пришел на курсы, я думал, что одно лишь хорошее знание иностранных языков — ключ к успеху синхрониста. Как же я ошибался! Лев Елисеевич, который сам был большим знатоком и любителем русской классики, мог страницами цитировать Пушкина (и периодически делал это!). Он добивался, чтобы наш перевод звучал грамотно по-русски, и любил повторять, что синхронист никогда не должен бросать письменный перевод (в идеале, литературный), дабы родной язык не оскудевал от бесконечного потока международных бюрократизмов.

Но главное, конечно, была практика, «налёт» кабинетных часов. В этих целях нам были выданы ключи от заветной 504-й аудитории, оборудованной для занятий синхронным переводом. В одном углу почти до потолка висела пирамида из коробок с магнитофонными бобинами, на которых были записаны десятки, если не сотни часов ооновских речей — коллекция выступлений делегатов разных стран на заседаниях Генассамблеи и различных комитетов ООН. Лев Елисеевич показал, что после проработки ленты ее нужно было переложить в противоположный угол аудитории. «Когда с этой стороны стопка лент исчезнет, а с другой стороны вырастет новая

пирамида, вы выйдете из этой аудитории синхронистами», – говорил Ляпин. Сказать, что так и получилось, значит преуменьшить ту ключевую роль, которую сыграл в этом превращении гусениц в бабочек Учитель, хотя он сам старательно преуменьшал свою роль. Уроки Ляпина навсегда остались в памяти. Его фраза: «А теперь – разбор полетов» – означала, что пора выходить из кабин, и сейчас всей группе будет проиграна звукозапись только что выполненного перевода. Причем никогда заранее не было известно, в какой момент кого из нас слушали и записывали. Доставалось каждому, но это никогда не было обидно – ведь это были те крупницы переводческой мудрости, которые остались с нами навсегда, и в которых продолжает жить Лев Елисеевич Ляпин.

Фото 1990 г.

Кирилл Геннадьевич Касьянов,

с 1990 г. старший переводчик Русской секции Службы устного перевода Секретариата ООН в Нью-Йорке

Первый день на Курсах. Первое знакомство со Львом Елисеевичем. Предлагает пожелавшим попробовать на синхрониста рассказать что-нибудь по-русски на предложенные им темы. Запомнилась одна из них: «Почему королева Елизавета хочет осушить Байкал» – это чтобы развить способность не теряться, держать удар и говорить хоть что, но говорить, и говорить гладко.

В 504-й аудитории, где мы с ним занимались, был заветный сейф с заветными бобинами с особо сложными выступлениями.

Известная всем фраза, когда перевод не получился: «Поручик, застрелитесь».

Нас он называл «парни». Про сложную пленку говорил: «Давайте сделаем. Вам это понравится».

Учил не только синхронному переводу, но и жизни: «Берегите здоровье, высыпайтесь, занимайтесь спортом».

Особое внимание уделял подаче: «Никому неинтересно слушать, как вы думаете».

А еще любил рассказывать и слушать анекдоты.

Фото 1991 г.

Тарас Валентинович Кобушко,

к.э.н., синхронный переводчик в ряде международных организаций, 1992–2011 – представитель ОЭСР в России и СНГ

Ляпин – учитель.

У Льва Елисеевича было много ипостасей – учитель, друг, переводчик. Мне он был хорошим другом, мне не раз приходилось делить с ним кабинку, но сейчас мне бы хотелось немножко развить тему Учителя. Ибо был в моей жизни момент, когда из отдела переводов МИДа меня направили получать ООНовский диплом на курсах. Так, после 15 лет работы на синхроне, я попал в последний (де факто) год существования этих курсов и активной педагогической деятельности Льва Ляпина – 1991.

У Стругацких есть роман, где проработана идея Учителя как самой главной, трудной и ответственной профессии на Земле. Жуткое количество требований и долгие годы подготовки. За нашу жизнь мимо или сквозь нас проходят многие учителя; кто-то помнится всю жизнь, других и через год уже встретишь – не узнаешь. А из тех, что помнятся, также не все за хорошее. Думаешь – ух бы его, гада, встретить в темном местечке!

Портреты

Так что на курсы я шел без всякого энтузиазма и с убежденностью в своей беспорочной продвинутой вышеступательности и дальше всех, хотя и тогда знал, что учиться никогда не поздно. Но эти 8–9 месяцев дали мне неожиданно много. И, прежде всего, именно благодаря Л.Е. Ляпину. Не вижу смысла расписывать что и как — кто у него учился, тот знает, как он вкладывал в учеников всю душу, стремился научить всему, что знал и умел сам. Кто не имел этого удовольствия, тех не хочу дразнить. Но мне запомнилось, как уже через несколько лет он мне сказал, что очень жалеет, что не преподает на курсах в качестве основного занятия. И добавил, что, как он сам себя оценивает, он хороший письменный переводчик, очень хороший синхронист, но **лучший** он в преподавании синхрона. И он учил именно тому, как сделать из себя лучшее, что из тебя может получиться. В эпоху, когда дикторы телевидения говорят косноязычно, с кучей слов паразитов (одно ДА в конце каждой фразы чего стоит!), как мне кажется, никто из ЕГО учеников в самой затруднительной ситуации не будет экзальтировать или пыхтеть в микрофон. Думаю, он умел привить культуру работы на зал, которая и во внеаудиторной обстановке помогала, делала тебя более способным выражать и свои собственные мысли. Да и всякую там требовательность к себе... Многие сохранили.

Думаю, не я один всегда буду помнить, как много он дал. И дал, потому что хотел давать, а не по долгу службы. Я рад, что мне пришлось еще и не раз с ним работать. Что, когда у меня появилась такая возможность, мне удалось начать брать его на семинары ОЭСР в то зарубежье, куда его не пускал СССР. Что мой друг, военный атташе, свозил нас на озеро Балатон, где мы со Львом поплавали полдня. Я рад, что он приходил ко мне в офис ОЭСР поболтать, когда ходить ему уже было трудно и он мало куда ходил. И мне очень грустно и стыдно, что я так редко вспоминал его в последние годы и редко ему звонил. Хотя, как у всех, у меня масса оправданий своими проблемами, но легче от этого уже не будет. Ведь моего Учителя и друга уже нет.

Фото 1998 г.

Галина Борисовна Ермакова,
устный и письменный переводчик

В профессиональной жизни любого всегда есть кто-то, кто стал «верстовым столбом», неким направляющим, зачастую сыгравшим решающую роль в будущей жизни. Для меня Лев Елисеевич Ляпин стал одним из таких «столбов», пусть и случилось это довольно случайно — если бы не школа MISTI (ММПШ) Г.В. Чернова в середине 1990-х, этой встречи не было бы.

И это при том, что я, не зная имени, очень хорошо запомнила его еще по годам, проведенным в институте: такой странный персонаж с трубочкой, которого можно было видеть в районе «аппендикса» на 2-м этаже.

Лев Елисеевич был личностью уникальной уже хотя бы потому, что через его руки прошли практически все синхронисты с английским, учившиеся на курсах ООН, пока эти курсы существовали. Не сомневаюсь, что им всем есть что рассказать. И о нем, и о его методе пре-

подавания, а также об особом чувстве юмора: Лев Елисеевич, которого я знала, любил и умел рассказывать анекдоты, причем с увлечением, и в переводе на английский тоже.

Его метод «накатки» заслуживает, наверное, отдельного описания; возможно, он не был его авторским методом в строгом смысле, но он был несомненно эффективным, особенно при сжатых сроках обучения, да и для контекста ООН, где особых вольностей в интерпретации никогда не позволялось.

Запомнился и его особый акцент на «подаче». Он не уставал добиваться от нас отсутствия обратной правки, уверенной подачи, интонационной завершенности: «Delivery и еще раз delivery».

А вне классной комнаты общение с Львом Ляпиным доставляло массу удовольствия. Он был неиссякающим источником всяких историй из жизни профессионального переводчика, да и не только.

Фото 2015 г.

Александр Владимирович Шкалик,

синхронный переводчик в ООН и других международных организациях с 1975 года. Редактор, преподаватель перевода

Вот правильно написано. Учил, подавая пример. Собственный. Конечно, угнаться за этим невозможно, все мы разные, но частица его настойчивости, упорства и энтузиазма осталась, если не во всех, то в подавляющем большинстве учеников.

Не помню точно, как и когда перешли с вы на ты. Русский речевой этикет — вообще дело довольно сложное и тонкое. А что делать ученику и преподавателю? Ну, на занятиях понятно, что на вы, а после окончания курсов? И на выпуске банкете тоже непонятно: вроде ты уже полноправный переводчик, а тут под боком твой преподаватель (не так уж и старше тебя в этот момент). С одной стороны, вроде как Лев Елисеевич, а с другой — вроде как просто Лев. Мда... (Никак не могу найти эту фотографию, где мы рядом стоим на выпускном вечере. Теперь-то я вижу, что он немного постарше.) Вот честно, не могу вспомнить, когда именно мы соскользнули на ты. Может быть, когда через год пребывания в Женеве я приехал в Москву? А уж когда вернулся в Союз то, вроде бы, совсем стали на ты. И все равно как-то неудобно. А еще когда тебя двигают в ТАСС, так как ты вообще после приезда из Женевы без работы ходишь. А двигает тебя твой бывший преподаватель. Хотя, казалось бы, зачем ему?

Как-то незаметно, нечувствительно, начали вместе «халтурить»: тут уж, конечно, на ты. Трудно было мозги переключить на перевод на английский. Он подбодрил. никогда не говорил: вот тут ты плохо сделал. И на курсах он всегда только поощрял, а не ругал. Я, когда преподавал на высших курсах переводчиков, перенял его манеру; она учеников подталкивает сделать сегодня лучше, чем вчера получилось.

Лаковой картинке не получится. Бывал и резок, иногда не по делу, но как-то это уходило довольно быстро на второй план. Не стеснялся спросить у бывшего ученика, как можно то или иное перевести. А действительно, как перевести с ходу *in a fit of pique*, стоя на плат-

Портреты

форме метро, когда поезд уже подходит? Это к тому, что переводческая часть мозга у него, наверное, постоянно функционировала. И этим тоже, я думаю, он своих учеников заразил. Для работы это, конечно, очень хорошо, а в нормальной жизни не всегда. Я как-то ему позвонил, а он пытается разобраться в счетах за квартиру, электричество и т.п. Я и сам не очень в этом разбираюсь, но чувствую, человек почти в полном расстройстве и непонимании. То есть рассказать в телевизоре на весь бывший Советский Союз про морскую пехоту (и ее историю) на инаугурации президента США может – голос при этом не дрогнет, – а разложить счета по датам и категориям ну никак.

Вообще впитывал в себя вроде бы ненужные знания как губка. Мне не стыдно признаться, что стихов не люблю и даже читать их не могу. Даже какая-то физическая реакция негативная начинается, особенно при чтении лирики. А вот он столько знал наизусть, что просто поразительно. И уже когда ему совсем трудно говорить было, все равно их читал наизусть. Он не был заиклен только на переводе, искренне радовался красоте стиха, картин.

Есть такое ощущение, что был у него жесткий стержень внутри, но нам, ученикам своим, его не показывал, а все время по-доброму толкал вперед. Вот не помню, чтобы кого-нибудь на занятиях хоть как-то унизил, вроде: что за ахинею вы несете. У других это иногда бывало. Доставали учеников. А он останавливал пленку и начинал опрашивать группу, что мы думаем, как лучше вот это перевести. Давал свои варианты, которые мы добросовестно записывали и запоминали. Я так думаю, что все пользуются штампом «спасибо за теплые слова в мой адрес» (*thank you for your kind words*). Скорее всего, не он его придумал, но ведь это он в нас его вбил незаметно! Как и многие другие вещи. Вот скажем, в Женевском университете есть Школа переводчиков. Там даже преподают этику синхронного перевода.

Мы и слов таких не слышали в свое время, однако почти все, благодаря Льву и его ненавязчивому воспитанию, усвоили, что нужно делать в кабине, чтобы и коллеге было легче и приятнее работать: цифирки непонятные быстренько написать для коллеги, а может, и водички принести. Документы передать и пальцем указать место, где сейчас находится оратор. С одной стороны, вроде бы занятие наше сугубо индивидуальное (сам соврал, сам виноват), а с другой – коллективное: делегат не будет разбираться, кто там ошибся. Вся кабина виновата. И это тоже усвоили.

А как это сказать, а как вот это перевести?

Ну, хорошо, вот это я знаю, а вот это... Если кто помнит термин «мартышка», употреблявшийся синхронистами до развала СССР, и хочет об этом рассказать, то ради Бога. И про перевод на двух разных мероприятиях одновременно. И про печать многих страниц перевода с лезвием безопасной бритвы и ластиком (в три экземпляра, не ластика, а страниц, конечно)... и замазка потом появилась... Ну, скажем, что это резюме тогдашней среды, в которой надо было бешено напрячься, чтобы нормально жить. И Лев это тянул, но так, что видно было только очень близким.

Интересно, а сейчас заставляют будущих синхронистов заучивать названия стран или основных органов человеческого тела? Сколько часов проводят слушатели в стенах своего вуза после занятий синхронным переводом? Вот закончил Лев занятие и говорит: вот вам пленочка на завтра. Тут-то все веселье и начинается. И часов до 9 вечера (вперемежку

с настольным футболом, чтобы совсем не обалдеть) пленочка эта разбирается до самого последнего слова. Зато на следующий день можно было Льву Елисеичу все доложить без запинки. Это мы так думали. Ан не всегда так выходило... Тут-то и записывалось, воспринималось и потом воспроизводилось нечто весьма полезное.

Вот сколько лет я этим безобразием занимаюсь (с 1975 года! – обалдеть), и все равно довольно часто возникает желание записать оратора, пойти и сказать: «Лев, блин, ну вот это что за фигня! Ну вот это как перевести, а?»

А ответа-то больше не будет. Нет больше Льва. Что он тебе дал, то и неси, если сумел взять, а дальше как-то сам думай.

Вот и все, что хотел сказать – пока, так как потом, может быть, еще чего всплывет. Кто знает...

Фото 1994 г., Будапешт

Ирина Владимировна Зубанова,

последовательный и синхронный переводчик,
доцент МГЛУ

Мне довелось учиться у Льва Елисеевича Ляпина уже довольно поздно – в 1993 году – и, к сожалению, совсем недолго, всего четыре недели: такой уж был краткий курс синхронного перевода в Московской международной школе переводчиков (ММПШ). Но я успела насладиться сладким ужасом этих занятий, когда в любую минуту можно было услышать самый

неожиданный вопрос или самый восхитительный вариант перевода, и хотелось всё запомнить, и не верилось, что это возможно, и больше всего не хотелось ударить в грязь лицом перед учителем. Перед началом занятий нас по-дружески предупредили, что Ляпин не терпит невежд, дураков и туподумов, и что если группа ему не понравится, он вообще может отказаться от занятий, – и мы трепетали. Но когда удалось достаточно точно продолжить брошенную им цитату из его любимого Гоголя и справиться с переводом свежего анекдота, дело, кажется, пошло на лад, и было уже не так страшно услышать: «Поручик, вы сели в вагон для некурящих», – что в его устах означало оценку студента как безнадежного.

Через пару месяцев после окончания курса мне невероятно повезло: меня взяли на большое мероприятие по безопасности в ядерной энергетике, которое проходило в Горьком, и я оказалась в одной команде с Львом Елисеевичем и еще десятком опытных синхронистов. Не буду рассказывать, как я волновалась, как готовилась, как тряслась, садясь в вагон, наполненный едва ли не одними синхронистами и звукотехниками. Ляпин посмеивался, с напускной серьезностью заглядывал в мои рукописные шпаргалки и глоссарии, вовлекал в общий разговор. А на месте, в кабине, сидел рядом в мою смену, и я понимала, что в крайнем случае меня прикроют, и от этого было хоть и по-прежнему очень страшно, но все-таки можно жить. Да и прикрыл, честно сказать: я поняла, что с русского-то я переведу, а вот рисковать, что не пойму акцент иностранца, уже выше моих сил, и всех немногочисленных американцев брал на себя Лев Елисеевич. После первого дня он сказал мне: «Ну что? Ничего, сойдет» – и это была высочайшая похвала, на которую я могла рассчитывать. Но вот конференция подошла к концу и я услышала знаменитое ляпинское: «Ну что же, мероприятие закончилось, а нас так и не побили. Значит, успех был полным!». И – выдохнула, чуть не упав в обморок от облегчения. И в эту секунду на руке у Льва Елисеевича остановились часы – может быть, это я их «размагнитила»? Мы потом не раз с ним с улыб-

Портреты

кой вспоминали этот момент. А тогда мы еще полдня бродили по его родному городу, и он рассказывал о своей молодости и о том, как пришел в перевод.

Еще не один раз мне приходилось сидеть в кабине рядом со Львом Елисеевичем, и каждый раз это был такой же фейерверк великолепных переводческих решений и находок, как и на его знаменитых занятиях. И я наконец-то поняла, что для него было очень важно, чтобы ему сказали об этом, чтобы восхитились: не только заказчики (они — обязательно!), но и коллеги, в том числе ученики. Нам-то казалось, что в своей сверкающей броне роскошной «подащи» он неуязвим. А это было совсем не так. И когда он говорил, что мечтает, чтобы оперившиеся и ставшие самостоятельными ученики не забывали приглашать его с собой работать, он не шутил...

В 1994 году мне довелось присутствовать как раз при таком случае. После многих «невыездных» лет, именно при содействии своих бывших учеников, Лев Елисеевич Ляпин работал на переводе мероприятия в Будапеште. Вечером после работы, за столиком в кафе, он сидел в окружении молодых и уже не очень молодых людей, которые слушали его с тем самым восторгом. Кто-то незнакомый с ним тронул меня за плечо и тихонько спросил: «Кто этот человек?» Я так же тихонько ответила: «Это Маэстро. Он нас всех выучил». Дальнейших объяснений не потребовалось.

Спасибо Вам, Маэстро, за то, что Вы были в нашей жизни. Это наше огромное счастье.

Фото 1990-х гг.

Анна Игоревна Никольская,

синхронный переводчик, стаж работы 17 лет

Он удивил нас сразу, войдя в аудиторию, где занимались мы, тогда начинающие синхронисты. Сел за стол, кивнул нам, знакомясь, и спросил: «Ну, кто что может мне почитать? Стихи, на английском. Кто какие знает?» Нам, конечно, сообщили, что с нами будет заниматься легенда синхронного перевода, человек, работавший на ООНовских курсах, переводивший синхронно с трех языков, и, по слухам, весьма строгий. Мы тупо молчали — стеснялись и побаивались нового преподавателя, да и стихов особо никто никаких не знал, кроме тех, что учат в школе на уроках английского. «Что, никто ничего мне не прочтет? А по-русски?», — разочарованно усмехнулся он и обвел притихших студентов пронзительным взглядом. Мы немного вышли из ступора и русские стихи как-то припомнить смогли, что нас хоть отчасти реабилитировало в глазах преподавателя.

Как позже выяснилось, Лев Елисеевич обожал поэзию и мог читать стихи вслух часами. Он рассказывал, что у них с сокурсниками в Инъязе была такая игра, кто дольше по времени продержится, читая наизусть.

В ту первую встречу мы услышали от Маэстро, как мы потом называли нашего преподавателя между собой, завораживающие строки Эдгара По, которые в его выразительном, чуть распевном исполнении звучали волшебным и загадочно:

“Once upon a midnight dreary, while I pondered, weak and weary,
Over many a quaint and curious volume of forgotten lore —
While I nodded, nearly napping, suddenly there came a tapping,
As of some one gently rapping, rapping at my chamber door.
“’Tis some visitor,” I muttered, “tapping at my chamber door —
Only this and nothing more.”

Ah, distinctly I remember it was in the bleak December;
 And each separate dying ember wrought its ghost upon the floor.
 Eagerly I wished the morrow; – vainly I had sought to borrow
 From my books surcease of sorrow – sorrow for the lost Lenore –
 For the rare and radiant maiden whom the angels name Lenore –
 Nameless *here* for evermore.”

Позже мне доводилось слышать «Ворона» в исполнении разных актеров, но в памяти навсегда остался завораживающий голос Льва Елисеевича, от которого я услышала это произведение на английском впервые. Именно его неповторимый глубокий голос открывал дверь в неведомый мир английского языка, живого, струящегося, переливающегося звуками, заполненного драматическими паузами. Уходили с урока мы совершенно ошарашенные и окрыленные.

На следующее занятие все пришли с выученными стихами, но наш преподаватель был, как нам показалось, не в духе, стихов слушать не хотел, а с ходу разложил перед нами свежий выпуск «МК»: «Переводим хронику происшествий. Закрываем текст, двигаем бумажку вниз и идем по строчке каждый». Задание привело нас в ужас, потому что бульварная стилистика этого издания была сложна для перевода, текст требовал знания идиоматики и лексики, связанной с криминалистикой. Как сейчас помню, один из текстовых фрагментов назывался «Фекалии на предьявителя». Мы были в недоумении. Как это переводить, да зачем нам это в кабине надо? Лев Елисеевич же, видя наше смущение, откровенно радовался и предлагал свои варианты, которые мы выслушивали, открыв рот. Он учил не пренебрегать ничем – ни шуткой, ни казалось бы непере译имой игрой слов. Маэстро умел вслушиваться в язык, искать и находить решения для буквально любого слова или выражения.

«Синхронист обязан уметь переводить письменно. Это дисциплинирует и позволяет спокойно искать эквиваленты и заготавливать варианты для кабины. Письменная основа должна быть, иначе наступает вырождение», – учил нас Лев Елисеевич. Сам Ляпин очень любил Гоголя и перевел на английский язык воспоминания современников о писателе и его переписку, это был огромный труд. К сожалению, перевод так и остался неизданным в связи с закрытием издательства «Радуга», заказавшего эту работу. «Читайте «Лекции по русской литературе» Владимира Набокова, там вы найдете всё», – советовал нам Лев Елисеевич.

При этом вдруг загадочно замирал, перебирая в памяти любимые строки из Гоголя и цитировал, цитировал наизусть.

Словарный запас Маэстро был огромен, это признавали и носители языка, слушавшие его работу, и редакторы иностранных издательств, публиковавших его переводы. Так Эдмунд Иммергут, редактор книги “Unraveling DNA”, переведенной с русского языка Львом Елисеевичем, писал в своем отзыве автору, профессору М.Д. Франку-Каменецкому: “I would like to tell you that all of us are most impressed with the quality of English translation. We have seldom seen a translation which is as readable and colloquially correct as yours. My compliments to your translator.”

Портреты

Как-то мне довелось присутствовать, когда Лев Елисеевич переводил за столом переговоров. Докладчик был не совсем внятный, тема была скучной. Когда Лев Елисеевич начал переводить, присутствующие оживились, стали ближе подсаживаться, а потом просто слушали, не скрывая своей радости и восхищения, настолько красиво выходили у него даже самые простые слова. Вокруг создавалась немного волшебная атмосфера, несмотря на то, что тема переговоров ни к какому театральному действу не располагала. Один из слушателей позже прокомментировал: «You are a man of amazing vocabulary, even for an educated American.» Такой эффект достигался беспрестанной работой над собой, «тысячекратной отточкой», как называл это Маэстро.

Мы впитывали все, что нам рассказывал Лев Елисеевич, постепенно осознавая, что в переводе пригодится как высокое, так и обыденное. И жизнь постоянно подкидывала ситуации, подтверждающие правильность такого бережного подхода ко всему, что связано с изучаемым языком, ко всем пластам знаний и даже мелким, казалось бы, незначительным крошечкам – строкам газетных объявлений, случайно подслушанным метким определениям и метафорам, историческим фактам и анекдотам, ООНовской процедурной лексике и, конечно, поэзии... Кто знал, что настанет момент, когда, например, вдруг на трибуну выйдет докладчик и начнет цитировать «Евгения Онегина»: мол, каждый русский школьник знает эти строки. Причем цитировать довольно долго. Наверное, такое предвидеть было сложно, но Маэстро как будто знал все наперед, настоятельно рекомендуя нам обратиться к переводам Пушкина Бабетт Дойч.

“My uncle’s shown his good intentions
By falling desperately ill;
His worth is proved; of all inventions
Where will you find one better still?
He’s an example, I’m averring;
But, God, what boredom – there, unstirring,
By day, by night, thus to be bid
To sit beside an invalid!
Low cunning must assist devotion
To one who is but half-alive:
You puff his pillow and contrive
Amusement while you mix his potion;
You sigh, and think with furrowed brow –
‘Why can’t the devil take you now?’

Если бы все это не было выучено наизусть заранее, пришлось бы довольствоваться прозой и комментариями, что «сейчас докладчик цитирует Пушкина».

Одним из самых любимых произведений Маэстро была «Охота на Снарка» Льюиса Кэрролла. Как он сам говорил, перевод Григория Кружкова он всегда берет, «когда все дошло». Улыбаясь и посверкивая глазами из-под бровей, он со вкусом декламировал оригинал, похохатывая от радости:

He would answer to “Hi!” or to any loud cry,
Such as “Fry me!” or “Fritter my wig!”
To “What-you-may-call-um!” or “What-was-his-name!”
But especially “Thing-um-a-jig!”

Мы ждали каждого занятия, как праздника. Это был фейерверк историй, переводимых непереводимостей, непредсказуемых настроений, каждое из которых было по-своему ин-

тересным. Даже когда Маэстро в приступе гнева выносил приговор студенту, который не мог справиться с переводом, свое любимое: «Поручик, застрелитесь!», мы обожали его. Мы обожали его, потому что он был настоящим, настоящим во всем. Он учил профессии, жизни, учил быть собой, не бояться вызова и брать сложные темы: «Если предлагают завтра переводить про желтопузых гусениц, а через три дня психиатрию, вы должны быть готовы». Мы старались, зубрили ночами слова и стихи. И ходили на любые темы. Учились не теряться и выдерживать стресс. Помню, как Ляпин послал нас на конференцию, которая оказалась невероятно трудной, с обилием технических терминов, к которым мы были не готовы – слишком быстро и неожиданно все случилось. После боя в кабине и на сцене, изможденная, я пришла домой. Позвонила Маэстро, рассказала, как все было ужасно, как мы валились на этой конференции. Внимательно выслушав, он необычно тихим и драматичным голосом произнес: «Били?» Я удивилась, говорю, нет, вот разве что только не били. Тогда последовало лаконичное: «Поздравляю. Успех был полным».

Настоящие люди никуда не уходят. Они с нами всегда, в сердце, в профессии, звучат голосом в ушах, дают бесценные советы, подставляют плечо в трудную минуту и всегда идут рядом, очень по-человечески переживая что-то свое. Для каждого времени и возраста свои стихи, своя тема. Все чаще я вспоминаю столь любимого Маэстро Роберта Браунинга и «Токатту Галуппи», чудесное стихотворение, которое Лев Елисеевич декламировал, делая большие глаза и расставляя значительные паузы в строчке “Dear dead women... I feel chilly and grown old”.

“Oh Galuppi, Baldassaro, this is very sad to find!
I can hardly misconceive you; it would prove me deaf and blind;
But although I take your meaning, 'tis with such a heavy mind!
Here you come with your old music, and here's all the good it brings.
What, they lived once thus at Venice where the merchants were the kings,
Where Saint Mark's is, where the Doges used to wed the sea with rings?

[...]

Dear dead women, with such hair, too – what's become of all the gold
Used to hang and brush their bosoms? I feel chilly and grown old.»

Светлый путь, Маэстро.

